ЯНВАРЬ. 1895.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка, 92.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

		СТРАН.
1.	**Въ глухихъ мѣстахъ.** Очерки. *Н. А. Лухмановой.* I—V.	5—29
2.	**Главы изъ книги о Жоржъ-Зандъ.** *В. Каренина.* I. Жоржъ-Зондъ и г. Дюдеванъ	30—68
3.	**Безъ языка.** Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. *В. Г. Короленко.* I—VIII.	69—90
4.	**Друзьямъ.** Стихотворрніе. *В. Мартова.*	91
5.	**Море.** Разсказъ. *М. Конопницкой.* Переводъ съ польскаго Е. Т.-Б.	92—114
6.	**Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи.** *А. В. Зотова.* I. Заработная плата	115—149
7.	**Въ лѣсу.** (Въ лѣтопись голоднаго года). Разсказъ *Евгенія Чирикова.*	150—170
8.	**Свѣча горитъ и меркнетъ, и вновь горитъ сильнѣй.** Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*	171
9.	**Студенты.** (Изъ семейной хроники). *Н. Гарина.* I—IV.	172—195
10.	**Символъ смерти, символъ жизни, бьетъ послѣдній часъ.** Стихотвореніе *К. Д. Бальмонта.*	196
11.	**Историческій матеріализмъ.** (Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства). *Л. Зака.*	1—34
12.	**Писаревъ.** (Сочиненія Д. И. Писарева). *М. А. Протопопова.*	35—59
13.	**Письма изъ Англіи.** *Av.*	60—76
14.	**Изъ Германіи.** *А. К.*	77—93

См. на оборотъ.

СТРАН.

15. Новыя книги:

Сочиненія Лугового. Томы I и II.—Л. Майковъ. Историко-литературные очерки.—Графъ Алексисъ Жасминовъ. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. — И. И. Янжулъ. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.—А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи.—Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ С. І. Залѣсскаго.—Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и на заводахъ А. А. Прессъ. —Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . . 94—123

16. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* . . . 124—154

17. Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени. *Николая—она.* I—II. . . . . 155—187

18. 1894 годъ. (Изъ современной хроники). *С. Н. Южакова.* . . . . . 186—213

19. Извлеченія изъ отчетовъ секретаря общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. . . . . 214—215

20. Отъ «Конторы Русскаго Богатства». 216

21. Объявленія.

Литература и жизнь.

Въ комедіи Островскаго «Не сошлись характерами» есть одно загадочное дѣйствующее лицо; собственно не дѣйствующее, потому что оно даже не появляется, а только говоритъ объ немъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ: «у меня знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ... Не угодно ли купить, онъ мнѣ дешево отдастъ; широкій такой, добротный». И только...

Я—большой почитатель Островскаго и рѣшительно не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Михневича и другихъ просвѣщенныхъ критиковъ, что творецъ «Грозы», «Бѣдной невѣсты», «Своихъ людей» и проч. такъ-таки совершенно устарѣлъ и упраздненъ современными драматургами. Не отрицая многоразличныхъ достоинствъ этихъ современниковъ, я всетаки по старой памяти перечитываю больше Островскаго. Перечитываю, а не смотрю въ театрѣ, потому что изъ нынѣшняго театра онъ, кажется, совсѣмъ изгнанъ, и новыя птицы тамъ новыя пѣсни поютъ. Прекрасныя птицы, прекрасныя пѣсни; я вѣрю... Тѣмъ не менѣе и въ простомъ чтеніи Островскій, какъ магъ и волшебникъ, всегда вызываетъ передо мной цѣлый рядъ живыхъ образовъ, чего я, къ сожалѣнію, не могу сказать обо всѣхъ современныхъ драматургахъ. Я ужъ не говорю о фигурахъ, нарисованныхъ Островскимъ во весь ростъ. Но вотъ даже этотъ не показывающійся на сценѣ «знакомый человѣкъ», который «дюми-терьмо дѣлаетъ»,—широкій, добротный дюми-терьмо,—даже этотъ закулисный человѣкъ встаетъ передо мной живымъ. Ни этого человѣка, ни этой матеріи никто изъ насъ не видалъ, они только въ творческой фантазіи Островскаго мелькали. Но сила ли первокласснаго художника тутъ дѣйствуетъ, или сила моего пристрастія къ любимому писателю, пристрастія, разжигающаго и собственное воображеніе, а мнѣ кажется, что я знаю человѣка, который дюми-терьмо дѣлаетъ; типъ этотъ знаю.

И кажется мнѣ, что къ этому типу принадлежатъ очень многіе современники, въ томъ числѣ г. Ѳедоръ Шперкъ...

Знаете ли вы г. Өедора Шперка? Нѣтъ, вы не знаете г. Өедора Шперка. Хотя имя его навѣрное очень скоро прогремитъ по всему міру, но затѣмъ, по его собственной трогательной просьбѣ, очень тоже скоро покроется «цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны», по просту говоря—забудется. Торопитесь-же знакомиться...

Г. Өедоръ Шперкъ написалъ и издалъ слѣдующія произведенія: «Система Спинозы», «Метафизика міровыхъ процессовъ» и—«Мысль и рефлексія. Афоризмы». Первому изъ этихъ произведеній онъ назначилъ цѣну въ 20 копѣекъ, второму въ 40, третьему въ 30. По размѣру этихъ произведеній, то есть по затраченной на нихъ бумагѣ, типографской краскѣ и проч.,—это немножко дорого, потому что, напримѣръ, въ «Афоризмахъ» всего 36 страничекъ разгонистой печати и формата, слишкомъ въ половину меньше обыкновеннаго нашего журнальнаго. Но, о матеріалистъ!—«на вѣсъ кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій!» Согласитесь, что получить на нѣсколькихъ страничкахъ ни больше, ни меньше, какъ «Систему Спинозы» за 20 к.,—это почти такъ же дешево, какъ широкій, добротный дюмитерьмо, купленный у знакомаго человѣка. И г. Өедоръ Шперкъ самъ понимаетъ, что онъ дешево отдаетъ, дешевле, пожалуй, чѣмъ себѣ стоитъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ въ «Афоризмахъ» опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность другого своего произведенія—«Метафизика міровыхъ процессовъ»:

«Реформа философіи, произведенная «Метафизикой міровыхъ процессовъ», сосредоточивается въ ея идеѣ сознанія (и воли), *какъ небытія* *). То, что до меня опредѣлялось только общимъ, абстрактнымъ образомъ—*какъ чистая форма*—приведено мною къ *конкретному* опредѣленію—*какъ небытія*. До меня не было именно очевиднымъ, что разъ сознаніе (или воля) опредѣляется *чистой формой*, оно и необходимо должно быть признано *небытіемъ*». (Стр. 22, афоризмъ XLVII).

Понятно, что если исторія философіи отнынѣ раздѣляется на два періода: до Өедора Шперка и послѣ Өедора Шперка,—то самое скромное, что можетъ сдѣлать Өедоръ Шперкъ, это сопоставить себя по крайней мѣрѣ съ послѣднимъ моднымъ европейскимъ мыслителемъ. Онъ такъ и поступаетъ. Не входя въ подробности, кратко, лапидарно, онъ объявляетъ: «Актуальное въ Ницше—потенціально во мнѣ; актуальное во мнѣ—потенціально въ Ницше». (Стр. 36, афоризмъ LXV).

Кромѣ, однако, этой разницы между двумя претендентами на послѣднее слово въ философіи, разницы, на которую самъ г. Шперкъ указываетъ, есть еще и другая, объ которой онъ не говоритъ, но для установленія которой даетъ весьма цѣнный матеріалъ. Ницше жаждалъ славы, и не только для себя, ибо и въ принципѣ полагаетъ, что люди должны стремиться «на тысячелѣтіяхъ отпечатать

*) Курсивъ въ цитатахъ вездѣ г. Шперка.

свою руку». Г. Шперкъ не хочетъ тысячелѣтій, уклоняется отъ безсмертія. Онъ говоритъ: «То, что наиболѣе драгоцѣнно человѣку, онъ хранитъ не въ памяти своей, а въ своемъ сердцѣ. Очевидно, и то, что наиболѣе дорого человѣчеству—оно хранитъ не въ памяти, а въ душѣ своей. Сокровенныхъ друзей своихъ оно покрываетъ не блескомъ *холоднаго безсмертія*, а сердечнымъ забвеніемъ, цѣломудрымъ безмолвіемъ *и тѣмъ, что не можетъ быть суетно,—тайной*. И если мнѣ только *дано* просить—о, материнское сердце человѣчества,—и меня, и мою истину покрой забвеніемъ, цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны. Не въ памяти, а въ чувствѣ, въ *несознаваемомъ чутьѣ своемъ* удѣли мнѣ *тихое*, удѣли мнѣ *скромное* мѣсто—тамъ близь несравненнаго для меня Гильшера, близь глубокомысленнаго и чистаго друга Suarez».

Это заключительныя строки «Афоризмовъ».

Читатель, можетъ быть, догадывается теперь, почему г. Ѳедоръ Шперкъ напоминаетъ мнѣ того человѣка, который у Островскаго дюми-терьмо дѣлаетъ. Какъ и тотъ, онъ дѣлаетъ что то «широкое такое, добротное»—«реформу въ философіи», «истину»; но, какъ и тотъ, онъ окруженъ таинственностью, и если и появляется на сценѣ, то тотчасъ же умоляетъ «материнское сердце человѣчества» освободить его отъ «холоднаго безсмертія», забыть и его, и его реформу философіи, и его истину, удѣлить ему въ безпредѣльной области неизвѣстнаго мѣсто рядомъ съ несравненнымъ Гильшеромъ и глубокомысленнымъ Suarez, которые, надо думать, тоже дюми-терьмо дѣлали.

Не насъ съ вами, читатель, умоляетъ г. Ѳедоръ Шперкъ о забвеніи; не насъ, а «материнское сердце человѣчества». Съ другой стороны, однако, отчего же и намъ ему въ этомъ дѣлѣ не помочь. Какъ съ міру по ниткѣ—голому рубаха, такъ можетъ быть удастся и это устроить: я забуду, вы забудете, онъ, они, онѣ забудутъ, и такимъ способомъ, можетъ быть, наконецъ и человѣчество согласится выпустить г. Ѳедора Шперка изъ темницы безсмертія на волю забвенія. Это даже чрезвычайно вѣроятный исходъ при нѣкоторомъ усиліи. Забудемъ же дѣленіе исторіи философіи на два періода: до Ѳедора Шперка и послѣ Ѳедора Шперка; покроемъ «цѣломудріемъ тѣни и истиной тайны» и его реформу философіи, и его истину. Но воспользуемся всетаки случаемъ хоть немножко присмотрѣться къ самому типу и къ характеру изготовляемой имъ матеріи.

Шутка сказать: сдѣлалъ кусокъ дюми-терьмо и такъ дешево его отдаетъ, что даже безсмертія не хочетъ! Нынѣ много такихъ скромныхъ людей развелось и много варьянтовъ ихъ есть (иные и отъ безсмертія не отказываются). Я бы хотѣлъ въ настоящей бесѣдѣ обратить ваше вниманіе на тотъ именно варьянтъ, который, требуя себѣ благодарности отечества или человѣчества (или, что то же, великодушно отказываясь отъ нея, какъ г. Шперкъ), вмѣстѣ съ тѣмъ въ мутной водѣ рыбу ловятъ. Это и г. Шперкъ дѣлаетъ.

Все въ тѣхъ же «Афоризмахъ» находимъ слѣдующія глубокія соображенія:

«Мы не думаемъ отрицать, напротивъ, мы будемъ утверждать, что христіанская любовь (категорія Духа), во всестороннемъ осуществленіи своемъ, составляетъ предметъ индивидуальныхъ стремленій и потребностей русскаго народа и смыслъ и цѣль его исторической жизни. *Но неужели не на самоуваженіи личности будетъ построено милосердіе*, неужели мы отвергнемъ западно-европейскій фундаментъ для своего построенія?» И далѣе: «Семитическое сознаніе осуществило въ исторіи категорію Плоти. Римъ, въ своемъ правѣ, выработалъ сознаніе основныхъ элементовъ категоріи Личности; вполнѣ реализована эта категорія западно-европейской цивилизаціей. Осуществленіе закона третьей сферы души человѣческой—категоріи Духа или любви предстоитъ, по всей видимости, *нашему народу*. Естественное слѣдованіе душевныхъ сферъ (первая—категорія Плоти или сфера цѣломудрія, вторая—категорія Личности или сфера самоуваженія, третья—категорія Духа или сфера любви) вполнѣ совпадаетъ съ историческимъ слѣдованіемъ носителей ихъ. Первоначально выступаетъ въ исторіи семитическое племя; вторымъ выдвигается романскій духъ, затѣмъ его дополняющій—германскій; третьимъ, послѣднимъ, выступаетъ славянство».

Это въ «Афоризмахъ» изложено. А затѣмъ въ «Гражданинѣ» г. Ѳедоръ Шперкъ далъ и образчикъ практическаго примѣненія своей философско-исторической схемы. А именно: «Кто знаетъ,—тѣ безобразія, которыя происходятъ на Западѣ и столь краснорѣчиво говорятъ намъ о несомнѣнномъ паденіи личности, о затмѣніи въ ней чувства уваженія къ себѣ, не суть ли они послѣдствія того, что цивилизація отвергла розгу и съ ней единственное средство возстановленія разрушенной совѣсти человѣка».

Вотъ. Вы видите, что всѣ эти категоріи и сферы европейскаго самоуваженія и русской или вообще славянской любви,—все это только взбаломученная словесная вода, изъ которой г. Ѳедоръ Шперкъ неожиданно выудилъ рыбу—розгу, повидимому, ничего общаго не имѣющую ни съ самоуваженіемъ, ни съ любовью. Но ловля рыбы въ мутной водѣ—это только метафора, а въ дѣйствительности мы получили образчикъ той матеріи, которую изучить хотимъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ въ такомъ именно видѣ представляется тотъ дюми-терьмо, выдѣлкой котораго у Островскаго «знакомый человѣкъ» занимается: совершенно фантастическій переплетъ якобы спеціально русскихъ и якобы спеціально иностранныхъ нитей съ вытканными на немъ вполнѣ произвольными узорами, отвѣчающими, однако, извѣстнымъ современнымъ вкусамъ. Но вкусы бываютъ разные, а потому производители означенной матеріи ткутъ и узоры разные, совсѣмъ даже противоположнаго характера, но одинаково требуютъ себѣ, если не безсмертія, то титула патріотовъ, спаси-

телей отечества, или же—съ другой стороны—защитниковъ тѣхъ или другихъ общечеловѣческихъ началъ...

Въ одной изъ бесѣдъ 1893 г. съ читателями «Русскаго Богатства» мнѣ пришлось говорить о книгѣ нѣкоего Виктора Гена (De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele). Этотъ долго жившій въ Россіи нѣмецъ, обливъ «русскую расу» всевозможными помоями, выразилъ надежду, что она будетъ совсѣмъ истреблена, а въ ожиданіи этого счастливаго для цивилизаціи момента онъ предлагаетъ всѣхъ русскихъ людей сѣчь розгами и иными способами «физически поступать» съ ними. Генъ самымъ искреннимъ образомъ безъ всякихъ прикрасъ ненавидитъ и презираетъ все русское. Но вотъ люди, объявляющіе себя нарочитыми сынами отечества, держащіе, какъ они искренно думаютъ или лицемѣрно говорятъ, знамя Россіи особенно высоко, направо и налѣво разсыпающіе укоры въ недостаткѣ патріотизма, — они сходятся на этомъ пунктѣ съ злобнымъ ненавистникамъ «русской расы»: физически поступать съ русскимъ человѣкомъ надо. Правда, нѣкоторые (какъ и г. Ѳедоръ Шперкъ) простираютъ розгу далеко за предѣлы Россіи, предлагая и западной Европѣ вспомнить это «единственное средство возстановленія разрушенной совѣсти человѣка»: дескать, внесли вы во всемірную сокровищницу плоды «категоріи личности и сферы самоуваженія» и теперь пора вамъ пріобщиться къ «категоріи духа и сферы любви», пора вамъ сѣчься. Однако, это только безнадежныя pia desideria, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ наши «патріотъ своего отечества» (тоже Островскаго словечко!) именно для русскаго народа требуютъ розги, для того самаго избраннаго народа, который призванъ «вверху стоять, что городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ былъ», который окраситъ будущее человѣчество принципомъ любви...

Надо замѣтить, что современные патріоты своего отечества совершенно напрасно усиливаются установить свое происхожденіе отъ славянофиловъ. Какъ бы ни были эти послѣдніе односторонни и неправо-притязательны, но они съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ своихъ самозванныхъ преемниковъ. Напримѣръ, Константинъ Аксаковъ писалъ: «Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы. Побои, равно какъ и драка, и всякое (прямое) проявленіе грубой силы, могутъ быть признаны въ мірѣ, какъ случайность; такой взглядъ отнимаетъ у нихъ общее значеніе безнравственное, въ томъ смыслѣ, что осуждаетъ ихъ. Но побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ и утверждаетъ... Прибавимъ сюда весьма важное обстоятельство. Именно: древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія. Въ ней грубая сила являлась, какъ случайность, но никогда, какъ законъ. Тѣлесное наказаніе—это подарокъ татарскій» («Русь» 1883, № 5).

Вѣрно ли послѣднее замѣчаніе Аксакова, — я не знаю, да въ

данную минуту не это для насъ и интересно. Интересно желаніе одного изъ первоучителей славянофильства смыть съ русскаго имени позорное пятно даже въ глубокой исторической дали. Спрашивается, какъ бы взглянулъ этотъ человѣкъ на нынѣшнихъ сыновъ отечества, столь единомысленныхъ съ злобными ненавистниками Россіи, въ родѣ Виктора Гена? Съ точки зрѣнія такого ненавистника понятно желаніе видѣть насъ, русскихъ, даже съ урѣзанными языками или лишенными дара членораздѣльной рѣчи, битыми и всячески униженными. Но какъ связать это желаніе съ разсужденіями на тему о «любви къ отечеству и народной гордости»? Каковы бы ни были грѣхи славянофиловъ, но то своеобразное, мистически величавое освѣщеніе, въ которомъ имъ рисовались далекое прошлое и будущее русскаго народа, обязывало ихъ ко многимъ дѣйствительно возвышеннымъ требованіямъ въ практической программѣ настоящаго. И нынѣшнимъ патріотамъ своего отечества слѣдовало бы прежде всего самымъ рѣзкимъ образомъ отгородить себя отъ славянофиловъ. Это я теперь не о г. Ѳедорѣ Шперкѣ говорю: онъ то себя, пожалуй, и отгораживаетъ. Онъ говоритъ: «Славянофилы наши проглядѣли *общее*, къ чему стремился и что созидалъ Западъ; они уразумѣли только обстановку, только средство и потому то возненавидѣли его». Затѣмъ онъ прибавляетъ, какъ мы уже видѣли: «*Неужели не на самоуваженіи личности будетъ построено милосердіе*, неужели мы отвергнемъ западно-европейскій фундаментъ для своего построенія?» А еще далѣе онъ, подобно фокуснику, неожиданно выливающему яичницу изъ пустой шляпы, достаетъ изъ категоріи духа и сферы любви розгу и предлагаетъ ее самоуважающейся личности. У г. Ѳедора Шперка разныя сферы и категоріи въ чехарду играютъ, а потому и его отгораживаніе отъ славянофильства не въ счетъ. Въ большинствѣ случаевъ патріотическіе рыцари розги и кулака позорятъ тѣни славянофиловъ своими претензіями на родство съ ними и своими чадными фиміамами по ихъ адресу. Они опираются приэтомъ на славянофильское отношеніе къ Западу и къ иностраннымъ вліяніямъ въ Россіи. Многогрѣшны въ этомъ направленіи славянофилы, но, несмотря на глухіе переулки, въ которые они попадали, они по крайней мѣрѣ въ принципѣ разумѣли свой народъ именно тѣмъ народомъ, который долженъ «жить и жить давать другимъ». Весьма далеки отъ такого отношенія къ иноплеменникамъ современные патріоты своего отечества.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что вся Европа переживаетъ въ своихъ международныхъ дѣлахъ какой то странный кризисъ. По случаю кончины императора Александра III, европейская печать съ благодарностью поминала тринадцать лѣтъ его царствованія, какъ безъ перерыва мирное время, причемъ указывалось на рѣшающую роль русской внѣшней политики. Роль эта была тѣмъ труднѣе, что какъ разъ за это время въ семьѣ европейскихъ наро-

довъ накопился давно небывалый запасъ взаимной національной ненависти. Это, конечно, наслѣдіе прошлаго, той жестокой схватки, которая нанесла Франціи незалечимую рану, но вмѣстѣ съ тѣмъ это факторъ настоящаго и, можно опасаться, будущаго. Національный принципъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, получить и очень благородную, и очень низменную окраску. Стоитъ только сопоставить моментъ объединенія Италіи, которое было дѣломъ освобожденія, съ моментомъ созданія германской имперіи, которое было дѣломъ поглощенія и насилія. Этотъ послѣдній, истинно несчастный моментъ исторіи надолго наложилъ свою печать на жизнь европейскихъ народовъ, не только въ видѣ чудовищныхъ военныхъ бюджетовъ, подъ тяжестью которыхъ задыхается цивилизація, но и въ видѣ нѣкотораго внутренняго переворота въ національной психикѣ Европы. До того могло казаться, притомъ людямъ отнюдь не утопическаго склада мысли, что національному вопросу въ острой, кровавой формѣ предстоитъ имѣть лишь освободительный характеръ, какой и имѣли впослѣдствіи герцеговинское возстаніе и русско-турецкая война. Въ старой же Европѣ, казалось, международныя перегородки если не совсѣмъ рухнули, то вотъ-вотъ рухнутъ и останутся лишь междусословныя, которыми и опредѣлится дальнѣйшее теченіе европейской исторіи. Международное единеніе торжествовало, казалось, въ наукѣ, въ промышленности, въ средѣ рабочихъ классовъ и проч. Интересы и идеалы англичанина, француза, итальянца, нѣмца стояли, повидимому, на пути къ тому, чтобы раствориться въ общеевропейскихъ интересахъ и идеалахъ землевладѣльца, капиталиста, рабочаго и т. д. Ужасы франко-прусской войны рѣзко повернули Европу съ этого пути, разбудили готовое задремать сознаніе племенныхъ особенностей въ неприглядной формѣ самомнѣнія, взаимнаго недовѣрія, ревности, ненависти и объединили этими отрицательными чувствами группы населенія, по существу имѣющія мало общаго между собою. Все это, понятно, должно было ярче, чѣмъ гдѣ-нибудь, сказаться во Франціи, и не только по отношенію къ Германіи. Здѣсь дѣло стоитъ просто и ясно, слишкомъ просто и ясно — и въ оффиціальной, и въ, такъ сказать, интимной Франціи. Но зараза распространяется во всѣ стороны. Вспомнимъ ту слѣпую ярость, съ которою, послѣ убійства Карно, французы набрасывались на все итальянское, какъ будто итальянская нація отвѣтственна за убійство и какъ будто въ самой Франціи не было людей, готовыхъ на это кровавое дѣло. Вспомнимъ злорадство, съ которымъ отмѣчалось еврейское происхожденіе Дрейфуса, да и вообще антисемитическое движеніе. Въ этихъ частностяхъ общее сказывается. Само собой складывается то положеніе, котораго искусственными мѣрами всегда добивался Наполеонъ III: общественное вниманіе отвлекается отъ внутреннихъ дѣлъ къ внѣшнимъ и даже внутреннія, домашнія дѣла получаютъ оттѣнокъ какъ бы иностранной политики. Это даже на художественной литературѣ отражается.

Послѣ германскаго погрома Франція широко растворила было двери для иностранныхъ вліяній въ литературѣ, — русскихъ, скандинавскихъ, нѣмецкихъ, признавъ, что и въ чуждыхъ ей дотолѣ литературахъ, на которыя она привыкла смотрѣть сверху внизъ, даже не зная ихъ, ей есть чему поучиться. Но теперь уже раздаются протестующіе голоса, и между ними есть довольно громкіе. Такъ напримѣръ, извѣстный критикъ Жюль Леметръ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ Revue des Deux Mondes за прошлый годъ статью, въ которой выражаетъ опасеніе за будущность національнаго французскаго генія, но и надежду, что онъ скоро воспрянетъ въ своей оригинальности; вмѣстѣ съ тѣмъ Леметръ старается доказать, что вклады иноплеменниковъ во французскую литературу давно ею самою предвосхищены, что Ибсенъ самъ есть какъ бы порожденіе Жоржъ Зандъ и Дюма-сына, Толстой и Достоевскій — Флобера и т. д. Дѣло не въ вѣрности или невѣрности этихъ послѣднихъ разсужденій,—въ частностяхъ тутъ много вздора и прямого незнанія, но въ общемъ несомнѣнно Франція дала человѣчеству столько, что коечто изъ получаемаго ею теперь извнѣ—въ ней же имѣетъ свои корни. Но для насъ теперь любопытна звучащая въ статьѣ Леметра нота ревности и враждебности по отношенію къ иноплеменникамъ со включеніемъ столь, повидимому, громогласно дружественныхъ, какъ мы, русскіе. Съ этою нотою собственно у Леметра русскіе читатели могли познакомиться изъ изданныхъ зачѣмъ то въ Одессѣ его статей о «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго и «Грозѣ» Островскаго (№ 4 «Международной библіотеки»), въ каковыхъ статьяхъ онъ, между прочимъ, обнаружилъ совершенное непониманіе перловъ русской литературы. Это не мѣшаетъ ему въ статьѣ Revue des Deux Mondes утверждать, что французы—«единственный народъ, склонный предпочитать другихъ себѣ». Казалось бы, о французахъ то ужъ никакъ нельзя сказать это, но такъ всегда говорятъ подобные патріоты своего отечества въ благопріятные для нихъ историческіе моменты. Безмѣрно предаваясь національному самохвальству, они видятъ, однако, въ своемъ народѣ «единственный», непремѣнно единственный народъ, «склонный предпочитать другихъ себѣ», и берутъ на себя обязанность восполнить этотъ недостатокъ уличеніемъ иноплеменниковъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, въ разныхъ козняхъ.

Не будемъ слѣдить за этимъ болѣзненнымъ обостреніемъ національнаго чувства въ другихъ европейскихъ странахъ, хотя на нѣкоторыхъ особенныхъ его формахъ было бы очень любопытно остановиться. Вернемся въ Россію.

Ахъ! намъ тамъ знакомо изреченіе Леметра о единственномъ народѣ, и эти ревнивыя и злобныя рѣчи, и это распространеніе пріемовъ внѣшней политики на внутреннія дѣла. «Все французъ гадитъ»,—говорилъ Гоголевскій почтмейстеръ, а самъ почтмейстеръ и Сквозникъ-Дмухановскій, и Тяпкинъ-Ляпкинъ, и Держиморда, и

Добчинскій съ Бобчинскимъ превосходны. Выходятъ иногда вещи поистинѣ изумительныя. Напримѣръ, извѣстная часть нашей печати, мнящая себя патріотическою по преимуществу, уже много лѣтъ съ пѣною у рта говоритъ о Финляндіи. $2^1/_2$ милліона населенія этой суровой страны никогда не причиняло Россіи ни малѣйшаго безпокойства, и тѣмъ не менѣе мы придираемся къ каждому, даже совершенно неподходящему случаю, чтобы въ чемъ-то уличить это маленькое, трудолюбивое, хорошо у себя устроившееся населеніе. Если въ Финляндіи кто-нибудь чихнетъ по своему, то въ Москвѣ уже бьютъ въ набатъ, серьезно, повидимому, полагая, что это патріотическій подвигъ, за который надо требовать титула спасителя отечества. Я бы еще понималъ, если бы руководящимъ чувствомъ была при этомъ зависть, потому что намъ дѣйствительно есть чему позавидовать въ Финляндіи, хотя бы, напримѣръ, тому, что тамъ меньше нищеты и больше грамотности, чѣмъ у насъ. И это, конечно, не хорошее чувство, но оно всетаки можетъ быть связано съ любовью къ родинѣ и, при этомъ условіи, требовало бы по крайней мѣрѣ заботъ объ умаленіи нищеты и усиленіи грамотности и чувства собственнаго достоинства у себя дома. Но означенная часть нашей печати въ большинствѣ случаевъ считаетъ грамотность дѣломъ вреднымъ и раздѣляетъ мнѣніе г. Ѳедора Шперка о розгѣ, какъ о «единственномъ средствѣ возстановленія разрушенной совѣсти человѣка». Она поэтому вовсе не расположена завидовать Финляндіи. Но точно также не думаетъ она объ томъ, чтобы пріобрѣсти или укрѣпить добрыя отношенія Финляндіи къ Россіи и ко всемурусскому. Она съ своей стороны дѣлаетъ все, чтобы возбудить въ Финляндіи ненависть къ русскому имени. И такимъ образомъ, ея претензія не только на монополію патріотизма, но даже на самую простую, естественную любовь къ родинѣ не оправдывается ни съ какой точки зрѣнія.

Я не буду распространяться на эту тему и укажу только, да и то вкратцѣ, на одно изъ послѣдствій такого отношенія къ иноплеменникамъ. Оно порождаетъ противоположную крайность—какую-то странную конфузливость по отношенію къ какимъ бы то ни было русскимъ достоинствамъ, къ самой возможности признанія ихъ («что ужъ! гдѣ ужъ намъ!»), и столь же прямолинейную защиту иноплеменнаго, сколь прямолинейны въ противоположномъ лагерѣ нападки на него. Если тамъ, въ томъ лагерѣ, стремятся зажать всѣмъ ротъ монополіей патріотизма, то здѣсь тоже зажимаютъ всѣмъ ротъ, но монополіей гуманныхъ идей.

Читатель можетъ быть помнитъ нѣсколько словъ, сказанныхъ мною въ замѣткахъ о книжкѣ г. Струве совсѣмъ мимоходомъ объ инородцахъ, дурно пишущихъ по русски, которые однако берутся учить русскому языку русскихъ писателей. Эти нѣсколько словъ вызвали слѣдующую отповѣдь г. Л. С. въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Считаю нужнымъ прибавить, что лишь съ

большой неохотой поднимаю перчатку, брошенную мнѣ г-мъ Струве, такъ какъ бросилъ онъ ее въ «Вѣстникѣ Европы», съ которымъ «Русское Богатство» меньше всего желало бы имѣть въ настоящее время какое бы то ни было столкновеніе. Г. Л. С. пишетъ:

Г. Струве будто бы «инородецъ», и ему не подобаетъ учить русскихъ писателей русскому языку. «А между тѣмъ,—говоритъ далѣе г. Н. Михайловскій,—у насъ къ инкрустаціи вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ въ цитатахъ изъ русскихъ писателей чаще всего прибѣгаютъ «шествующіе по всѣмъ языкамъ инородцы». Эти мнимыя притязанія «инородцевъ», задѣвающихъ г. Михайловскаго своей критикой, кажутся ему неумѣстными, надоѣдливыми и скучными. До сихъ поръ мы думали, что разъискивать «инородцевъ» въ литературѣ и примѣшивать національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ свойственно лишь извѣстной части «патріотической» печати; оказывается, однако, что въ этомъ отношеніи даже такой прогрессистъ, какъ г. Михайловскій, не брезгаетъ полемическими пріемами, составляющими спеціальность худшихъ элементовъ нашей журналистики. Насколько намъ извѣстно, г. Струве такой же «инородецъ», какъ и многіе другіе русскіе люди съ нѣмецкими фамиліями. Мы уже не говоримъ о нелѣпости самой мысли о томъ, что писатели съ не-русскими фамиліями, какъ Даль или Я. Гротъ, не могутъ быть лучшими знатоками русскаго языка, чѣмъ люди чисто русскіе по имени, но «безаботные» насчетъ россійской грамотности; да и самъ академикъ Востоковъ, несомнѣнный знатокъ русскаго, родился съ инородческимъ именемъ — Остенъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго—Востоковъ. Какъ бы ни были мало основательны вопросительные и восклицательные знаки г. Струве, но дѣлаемый по этому поводу г. Михайловскимъ розыскъ объ «инородцахъ» еще менѣе основателенъ и раскрываетъ лишь печальную и не симпатичную черту нашихъ литературныхъ нравовъ или, лучше сказать, отсутствіе всякихъ нравовъ.

Г. Струве въ своей книжкѣ замѣтилъ, «что г. Михайловскому всякій націонализмъ былъ всегда совершенно чуждъ». Приведя эти его слова, я прибавилъ, что «всегда готовъ у всякаго инородца поучиться тому, что онъ знаетъ, и почтить въ немъ тѣ достоинства, которыми онъ обладаетъ». Для знакомыхъ съ моей литературной дѣятельностью, полагаю, несомнѣнно, что это не фраза. Но г. Л. С. принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ, чтобы кто-нибудь сказалъ слово «инородецъ», дабы немедленно зазвонить въ колокола гуманныхъ идей. Я цѣликомъ выписалъ все замѣчаніе г. Л. С. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ этой взбаламученной словесной воды, изъ которой авторъ благополучно выуживаетъ нужную ему рыбу—«розыскъ объ инородцахъ». А нужна она ему для того, чтобы рядомъ съ тѣми, кто высоко держитъ «патріотическое» знамя, явиться знаменосцемъ гуманизма...

Г. Л. С. даже «не говоритъ о нелѣпости самой мысли о томъ», что Даль, Гротъ, Востоковъ могутъ знать русскую грамоту лучше, чѣмъ люди съ русскими фамиліями. Онъ «не говоритъ» и однако говоритъ. Но и то, и другое совершенно напрасно, ибо упомянутой «нелѣпой мысли» я не высказывалъ и даже вообще *ни единаго слова* не сказалъ о не-русскихъ или русскихъ фамиліяхъ. Г. Л. С.

заговорилъ объ этомъ сюжетѣ исключительно для того, чтобы взмутить воду. Г. Л. С. проливаетъ слезы объ упадкѣ или даже объ «*отсутствіи* всякихъ нравовъ» (это ужъ что-то очень сильно) въ нашей литературѣ, ибо, дескать, вотъ и я «розыскиваю инородцевъ въ литературѣ и примѣшиваю національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ». Г. Л. С. очень трогательно плачетъ; почти также трогательно, какъ тотъ актеръ, котораго расхваливаетъ Гамлетъ:

Не дивно-ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ,
Въ глазахъ слеза дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ,
И весь составъ его покоренъ мысли,
И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ, что она ему?

Да, что ему Гекуба? что г. Л. С. литература и ея нравы, когда онъ тутъ же являетъ образчикъ самыхъ низменныхъ литературныхъ нравовъ? «Литературный споръ» у насъ съ г. Струве шелъ объ томъ, должна ли Россія «идти на выучку къ капитализму», и въ этомъ спорѣ, во всей его обширности и со всѣми его развѣтвленіями, я опять таки *ни единымъ* словомъ не помянулъ объ инородчествѣ г. Струве. Но когда г. Струве поучаетъ меня при помощи вопросительныхъ знаковъ русскому языку, то я именно отказываюсь съ нимъ спорить, ибо «до сихъ поръ онъ былъ больше нѣмецкій писатель, чѣмъ русскій, и въ настоящей своей работѣ употребляетъ иногда нѣмецкія слова, когда ихъ очень легко сказать по-русски (слѣдуютъ примѣры), а по-русски онъ можетъ говорить о «побѣдоносномъ шествіи по всѣмъ языкамъ». Это послѣднее, невозможное по-русски словосочетаніе принадлежитъ не мнѣ, какъ можно думать по ковычкамъ г. Л. С., а г. Струве. И спрашивается, неужели же въ самомъ дѣлѣ можетъ меня учить русскому языку человѣкъ, «шествующій по всѣмъ языкамъ», хотя бы онъ и обладалъ въ другихъ отношеніяхъ всевозможными достоинствами и знаніями? И неужели сказать ему это—значитъ производить розыскъ объ инородцахъ и примѣшивать національно-племенные вопросы къ литературному спору? Но когда труба трубитъ, боевой конь бьетъ копытомъ и ржетъ, и то же самое дѣлаютъ господа вродѣ Л. С., когда услышатъ слово «инородецъ». Имъ кажется, что въ самомъ этомъ словѣ заключается уже обида, тогда какъ оно есть простое обозначеніе факта, ничего дурного въ себѣ не заключающаго. У насъ было одно время въ модѣ выписывать изъ Чехіи и Галиціи учителей древнихъ языковъ. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ перевелъ знаменитое изреченіе Сенеки—ars longa vita brevis—такъ: штука длинна, животъ коротокъ. Этотъ учитель могъ быть прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ и прекрасно знать латинскій языкъ, но

въ учителя русской гимназіи онъ, очевидно, не годился именно въ качествѣ инородца, на что литература уже прямо обязана была обратить вниманіе. Но господа, вродѣ Л. С., могли, конечно, и по этому поводу мутить воду и звонить въ колокола гуманизма, и лить слезы о Гекубѣ...

Но я пойду дальше, оставляя совершенно въ сторонѣ г. Струве и его русскій языкъ. Помните ли вы удивительные стихи Лермонтова:

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку поднималъ!

Воображаю какія слезы долженъ проливать по поводу этихъ стиховъ г. Л. С. Это вѣдь явный розыскъ инородцевъ. И такъ удобно по этому случаю говорить или «не говорить» о «нелѣпой мысли», будто только у людей съ не-русскими фамиліями или даже только у завѣдомыхъ инородцевъ «пустое сердце бьется ровно», когда они «не щадятъ нашей славы». Доказательство на лицо: самъ разыскивавшій инородцевъ г. Лермонтовъ былъ убитъ чисто русскимъ человѣкомъ, Мартыновымъ... О, г. Лермонтовъ, какъ низокъ вашъ нравственный уровень въ сравненіи съ тѣмъ, на которомъ высится величавый образъ г. Л. С.!. Я думаю, однако, что въ извѣстной степени г. Лермонтовъ всетаки защитимъ. Ибо вѣдь «нелѣпой мысли» и т. д. онъ и не высказывалъ. Онъ, какъ и изъ всей его поэзіи видно, очень хорошо понималъ, что среди его соотечественниковъ и соплеменниковъ даже слишкомъ много людей съ пустымъ сердцемъ, а среди иноплеменниковъ есть люди и великаго сердца, и великаго ума. Но достовѣрно, что Пушкина убилъ иноплеменникъ другого сорта, что онъ дѣйствительно былъ «издалека, подобно сотнямъ бѣглецовъ, на ловлю счастья и чиновъ заброшенъ къ намъ по волѣ рока», что дѣйствительно, «смѣясь, онъ дерзко презиралъ земли чужой языкъ и нравы». И хотя въ числѣ «свободы, генія и славы палачей», которымъ Лермонтовъ грозилъ, что они не смоютъ всей своей черной кровью «поэта праведную кровь», были коренные русскіе, но иноплеменность убійцы съиграла всетаки свою роль въ этой грустной и гнусной исторіи. Я поэтому не рѣшился бы привлечь Лермонтова къ суду г-на Л. С. по дѣлу о розыскѣ инородцевъ. Не рѣшился бы притянуть и, напри-

мѣръ, историка Соловьева хотя бы за слѣдующія его слова: «Биронъ и Левенвольды, по личнымъ своимъ средствамъ вовсе недостойные занимать высокія мѣста, вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ, ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые производили болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Биронъ не былъ развращеннымъ чудовищемъ, любившимъ зло для зла; но достаточно было того, что онъ былъ чужой для Россіи, былъ человѣкъ, не умѣрявшій своихъ корыстныхъ стремленій другими высшими; онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ случаемъ, своихъ временемъ, фаворомъ, чтобы пожить хорошо на счетъ Россіи».

Читатель понимаетъ, что такихъ страницъ, подлежащихъ суду г. Л. С. за розыскъ объ инородцахъ, я могъ бы привести очень много, притомъ изъ писателей, отнюдь не принадлежащихъ къ числу «патріотовъ своего отечества». Увы! русская исторія представляетъ достаточно матеріаловъ для подобныхъ страницъ. Начиная монголами, инородцы не разъ распоряжались на Руси, причемъ, «смѣясь, дерзко презирали земли чужой языкъ и нравы», и уже фактъ этого властнаго презрѣнія не могъ не отражаться печальнѣйшими послѣдствіями. Однимъ изъ этихъ послѣдствій является почти презрительное и во всякомъ случаѣ недовѣрчивое отношеніе къ самимъ себѣ, къ своимъ силамъ: «что ужъ! гдѣ ужъ намъ!» Многіе у насъ лишь съ большимъ трудомъ, и то только послѣ аттестаціи, выданной европейцами, признали огромную всемірную цѣнность нѣкоторыхъ нашихъ художниковъ слова. Это отзывается и въ практической области. Мы иной разъ боимся пальцемъ о палецъ ударить хотя бы ради той же литературы, паденіе нравовъ которой готовы оплакивать: «гдѣ ужъ намъ!» Я не хочу этимъ сказать, разумѣется, чтобы мы въ дѣйствительности были вообще превосходны и въ частности никогда не презирали земли чужой языкъ и нравы,— нѣтъ, это очень часто бывало и посейчасъ продолжается,—или что намъ слѣдуетъ замкнуться китайской стѣной отъ иностранныхъ вліяній, — это была бы смерть. Но неужели же такъ трудно разобраться во всемъ этомъ и установить точку зрѣнія, которой свое и чужое добро и зло находятъ себѣ надлежащее мѣсто? Дѣло, повидимому, чрезвычайно просто: Востоковъ или Остенъ превосходно изучилъ русскій языкъ, и мы учились по его грамматикѣ; г. Струве очень плохо выражается порусски, а потому не его дѣло учить насъ русскому языку. Но у насъ этого нельзя даже мимоходомъ сказать безъ риска вызвать странное замѣчаніе о неприличіи розыска инородцевъ. И это будетъ сдѣлано во имя гуманныхъ идей которыя, однако, тутъ совершенно не причемъ. Съ другой стороны нельзя сказать доброе слово о финнахъ, евреяхъ и проч., не рискуя вызвать громы «патріотовъ», тогда какъ опять таки любовь къ отечеству тутъ рѣшительно не причемъ. Въ результатѣ идея патріотизма, столько разъ призывавшая людей къ великимъ подвигамъ, это, по выраженію Щедрина, «звено, которое пріобщаетъ насъ къ

извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя во многихъ случаяхъ могутъ затрогивать насъ лишь самымъ отдаленнымъ образомъ; эта школа, въ которой человѣкъ развивается къ воспринятію идеи о человѣчествѣ»,—у насъ совершенно опошлилась. Еще немного, — и такъ же опошлятся общечеловѣческія, гуманныя идеи... Когда же это кончится? Когда получимъ мы возможность свободно говорить о своемъ и чужомъ свѣтѣ и мракѣ?

Недавно въ «Новомъ Времени» сдѣлано было замѣчаніе, что я слишкомъ избалованъ снисходительностью своихъ читателей, въ разсчетѣ на которую, дескать, позволяю себѣ отрывочную и скачкообразную рѣчь. Я думаю, что этотъ мой недостатокъ слѣдуетъ объяснять другими, менѣе для меня пріятными обстоятельствами, но всетаки не жалуюсь: «читатель-другъ» у меня есть, и я шлю ему мой искреннѣйшій привѣтъ и благодарность. Съ другой стороны однако я подвергаюсь время отъ времени цѣлому потоку энергическихъ протестовъ—не печатныхъ и содержащихъ въ себѣ чуть-чуть что не непечатныя выраженія. Въ такомъ именно положеніи нахожусь я теперь. Среди произведеній пера, обращенныхъ ко мнѣ разными марксистами, есть и краткія извѣщенія, что вотъ, дескать, въ такомъ-то городѣ проживаетъ несогласный Петръ Ивановичъ Бобчинскій и требуетъ, чтобы объ этомъ было заявлено въ печати, и непремѣнно «объективно» заявлено,—иначе онъ не согласенъ; есть и цѣлыя диссертаціи, весьма различной цѣнности, авторы которыхъ тоже иногда выражаютъ желаніе, чтобы ихъ взгляды были опубликованы. Выдавая здѣсь общую росписку въ полученіи всего этого, я долженъ сказать, что рѣшительно не могу удовлетворить всѣхъ,—какъ комическихъ Петровъ Ивановичей Бобчинскихъ, такъ и серьезныхъ людей, какъ прибѣгающихъ къ почти непечатному жаргону, такъ и умѣющихъ выражаться прилично. Во-первыхъ, всего этого слишкомъ много; во-вторыхъ, многое здѣсь для печати неудобно; въ-третьихъ, наконецъ, я уже имѣю въ этомъ отношеніи нѣкоторый не очень поощряющій опытъ. Въ прошломъ году я привелъ нѣсколько писемъ въ подлинникѣ (кажется, чего ужъ «объективнѣе»?), но затѣмъ открылось, что мои корреспонденты или писали мнѣ о «не настоящихъ» марксистахъ, или сами были «не настоящіе». А нѣкоторые стали даже выражать неудовольствіе и подозрѣніе, что я намѣренно компрометирую русскихъ марксистовъ, публикуя письма никому неизвѣстныхъ людей; были даже подозрѣнія въ фальсификаціи съ моей стороны. Это ужъ, знаете, черезчуръ, и я рѣшилъ ждать печатнаго исповѣданія вѣры. Таковое скоро явилось въ видѣ книжки г. Струве, на которую я и поспѣшилъ отозваться. Но теперь оказывается, что и г. Струве не настоящій. Оказывается это изъ только что вышедшей инте-

ресной книги г. Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и Комп.».

«Комп.» состоитъ изъ гг. Николая —она, Кривенко и В. В. Позволю себѣ выдѣлиться изъ «Комп.» и говорить только о себѣ, ибо не имѣю смѣлости г. Бельтова, пишущаго «мы» отъ лица русскихъ марксистовъ. Притомъ же если количественно мнѣ достается можетъ быть и не больше другихъ отъ грознаго пера г. Бельтова, то обвиняетъ онъ меня въ преступленіяхъ совершенно исключительныхъ.

Изъ книги г. Бельтова оказывается, что г. Струве «не настоящій», хотя первый выступаетъ съ защитой второго, беретъ его подъ свое покровительство. Все, повидимому, хорошо въ книжкѣ г. Струве, одно не ладно,—зачѣмъ онъ сказалъ: «пойдемъ на выучку къ капитализму». Это онъ «очень неосторожно выразился», говоритъ г. Бельтовъ (стр. 286). Не будь этой неосторожности, все въ книжкѣ г. Струве обстояло бы вполнѣ благополучно. Вотъ г. Бельтовъ гораздо осторожнѣе, до такой степени осторожнѣе, что даже не упоминаетъ о другой неосторожности г. Струве. Вы помните, что г. Струве призналъ философскую необоснованность и фактическую непровѣренность теоріи экономическаго матеріализма. Г. Бельтовъ умалчиваетъ объ этой неосторожности, но, обрушиваясь своимъ страшнымъ гнѣвомъ и ядовитой ироніей на тѣхъ, кто уже раньше говорилъ о «необоснованности и непровѣренности», онъ тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что г. Струве, по крайней мѣрѣ на этомъ пунктѣ,—«не настоящій». А вѣдь это пунктъ основной. Найдутся, какъ увидимъ, и другіе.

Книга г. Бельтова имѣетъ полемическій характеръ по преимуществу, а потому надлежитъ прежде всего взглянуть на его полемическіе пріемы.

Г. Бельтовъ человѣкъ талантливый и не лишенный остроумія, но оно, къ сожалѣнію, часто переходитъ у него въ непріятное шутовство. Приведу образчикъ. Выбираю для этого то мѣсто, въ которомъ онъ меня изображаетъ въ особенно комическомъ видѣ, а другихъ въ особенно величественномъ Приведя мое чисто фактическое указаніе на то, что Марксомъ изслѣдованъ только одинъ историческій періодъ, г. Бельтовъ продолжаетъ:

«Это-то и сердитъ г. Михайловскаго. Подбоченясь, онъ начинаетъ читать нотацію знаменитому мыслителю: «какъ же это ты такъ, братецъ?.. только одинъ періодъ... И притомъ не вполнѣ... Не могу, не могу одобрить... Бралъ бы ты примѣръ съ Дарвина!» На всю эту субъективную рацею бѣдный авторъ «Капитала» отвѣчаетъ лишь глубокимъ вздохомъ, да печальнымъ признаніемъ: Die Kunst ist lang, und kurz ist unser Leben! Г. Михайловскій быстро и грозно поворачивается къ «толпѣ» послѣдователей: въ такомъ случаѣ вы чего же смотрѣли, почему не поддержали старика, отчего не исчерпали всѣхъ періодовъ? — Некогда намъ было, г. субъективный герой, въ поясъ кланяясь и держа шапки на отлетѣ, отвѣчаютъ послѣдователи;

другимъ мы были заняты, мы боролись противъ тѣхъ отношеній производства, которыя лежатъ тяжелымъ гнётомъ на современномъ человѣчествѣ. Не взыщи! А между прочимъ мы кое что всетаки и сдѣлали, и вотъ дайте срокъ,—сдѣлаемъ и еще больше» (216).

Если принять во вниманіе, что ничего подобнаго «субъективной рацеѣ» я не говорилъ, что и сравненіе съ Дарвиномъ принадлежитъ не мнѣ, а я его только коментировалъ, то очевидное и само по себѣ шутовство г. Бельтова получаетъ сугубо дурной оттѣнокъ. А «субъективный герой»,—это, конечно, чрезвычайно ядовито, даже, пожалуй, излишне ядовито по отношенію къ скромному журналисту со стороны одного изъ «мы», которые и т. д. Желаю имъ всякаго успѣха, но не думаю, чтобы шутовской колпакъ ему способствовалъ.

Г. Бельтовъ не только остроуменъ, но и грозенъ, «грозенъ и немилостивъ». Впрочемъ, онъ въ этомъ отношеніи далеко уступаетъ нѣкоторымъ моимъ корреспондентамъ, и мнѣ хочется сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Рѣзкость въ полемикѣ—дѣло неизбѣжное, но и тутъ est modus in rebus, или, по-русски сказать, надо же и честь знать. Если полемическая рѣзкость истекаетъ изъ темперамента и сопровождается талантомъ, то и тогда можетъ хватать черезъ край. Примѣръ тѣ же учителя г. Бельтова или ихъ антагонистъ Дюрингъ. Читатель помнитъ можетъ быть, какъ «обработалъ» Марксъ мимоходомъ въ «Капиталѣ» Герцена. Выходило, что «полу-русскій и вполнѣ «москвичъ» Герценъ ревностно пророчествуетъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой». Здѣсь «кнутъ» и «калмыцкая кровь», не имѣющіе ничего общаго съ идеями Герцена, пущены въ ходъ единственно ради полемической рѣзкости. Къ чести автора надо сказать, что въ послѣдующихъ изданіяхъ «Капитала» эта неприличная выходка выкинута. Но и у него, и у Энгельса, и у Дюринга можно найти вещи въ такомъ же родѣ, или совершенно безплодныя, или даже извращающія предметъ и отталкивающія своею грубостью. Тѣмъ паче негодна рѣзкость полемики, когда она становится дѣломъ подражанія, моды, своего рода приличія. Такъ было у насъ одно, къ счастію, недолгое время въ шестидесятыхъ годахъ, когда полемизирующіе безъ всякаго смысла швыряли другъ въ друга разными «лукошками», «бутербродами», а то и площадной руганью. Нѣмцы всегда были грубы въ полемикѣ, что еще Берне замѣтилъ. И я боюсь, что, вмѣстѣ съ другими нѣмецкими вліяніями, къ намъ проникнетъ и эта традиціонная нѣмецкая грубость, осолившись еще собственною нашею дикостью, и полемика превратится въ реплику, влагаемую гр. А. Толстымъ въ уста царевнѣ по адресу Потока-богатыря:

Шеромыжникъ, болванъ, неученый холопъ!
Чтобъ тебя въ турій рогъ искривило!

Поросенокъ, теленокъ, свинья, эѳіопъ,
Чортовъ сынъ, неумытое рыло!
Кабы только не этотъ мой дѣвичій стыдъ,
Что иного словца мнѣ сказать не велитъ,
Я тебя, прощалыгу, нахала,
И не такъ бы еще обругала!

Это я только къ слову. Отнюдь не требую бѣлыхъ перчатокъ отъ полемиста и считаю ихъ даже невозможными. Не утверждаю также, чтобы г. Бельтовъ былъ лишенъ «дѣвичьяго стыда». Тѣмъ не менѣе иногда и ему слѣдовало бы нѣсколько больше взвѣшивать свои слова,—въ своихъ же собственныхъ интересахъ и въ интересахъ защищаемаго имъ дѣла.

Г. Бельтовъ утверждаетъ, что въ моихъ «новыхъ словахъ» (объ нихъ потомъ) «русскій умъ и русскій духъ» подлинно «зады твердитъ и лжетъ за двухъ» (225). Сильно сказано! Очень сильно, съ сохраненіемъ, однако, «дѣвичьяго стыда», потому что вѣдь что же дѣлать—подвернулись подъ перо стихи, ну а изъ пѣсни слова не выкинешь. Можно бы, конечно, сказать, что если г. Бельтовъ не отвѣтственъ за содержаніе цитаты, то отвѣтственъ за ея выборъ, но это ужъ будетъ, пожалуй, тонкость по нашимъ полемическимъ нравамъ. Собственно въ этомъ мѣстѣ ни въ какой лжи г. Бельтовъ меня не уличаетъ, онъ просто такъ, сболтнулъ, чтобы горячѣе вышло, и цитатой, какъ фиговымъ листкомъ, стыдливо прикрылся. А когда онъ дѣйствительно во лжи меня обличаетъ, то дѣлаетъ это въ перчаткахъ.

Въ одной изъ своихъ статей въ «Русской Мысли», я вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. И. Зиберомъ и сообщилъ, между прочимъ, что этотъ почтенный ученый въ разговорахъ о судьбахъ капитализма въ Россіи «употреблялъ всевозможные аргументы, но при малѣйшей опасности укрывался подъ сѣнь непреложнаго и непререкаемаго трехчленнаго діалектическаго развитія». Приведя эти мои слова, г. Бельтовъ пишетъ: «Намъ приходилось не разъ бесѣдовать съ покойнымъ и ни разу не слышали мы отъ него ссылокъ на «діалектическое развитіе». Онъ не разъ самъ говорилъ, что ему совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи. Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому показаніе г. Михайловскаго неопровержимо!» (77—78, примѣчаніе).

Вотъ что значитъ надѣть перчатки для обличенія во лжи,—даже изящно выходитъ! Не такъ, однако, изящно, какъ кажется съ перваго взгляда, потому что перчатки у г. Бельтова грязныя...

«Конечно, на мертвыхъ все валить можно, и потому показаніе г. Михайловскаго неопровержимо»... Я скажу иначе: на мертвыхъ не всегда все валить можно, и показаніе г. Бельтова вполнѣ опровержимо.

Можно ли допустить, чтобы я рѣшился приписать человѣку, столь многимъ, кромѣ насъ съ г. Бельтовымъ, извѣстному, столь сравнительно недавно умершему, мысли, которыхъ онъ не только

не имѣлъ, но даже о существованіи которыхъ не зналъ?—Можно, отвѣчаетъ г. Бельтовъ, потому что русскій духъ лжетъ за двухъ. Но г. Бельтовъ любезно сообщаетъ, что и у него «русская душа» (286). И неужели же въ самомъ дѣлѣ таковъ ужасный рокъ, что русскій духъ долженъ лгать за двухъ, потому что кто нибудь изъ насъ—я или г. Бельтовъ—навѣрное лжетъ за себя и за Зибера. Но пойдемъ далѣе: можно ли допустить, чтобы столь трудолюбивый и вдумчивый ученый, какъ Зиберъ, такъ таки до конца дней своихъ и не догадался о связи «новѣйшей экономіи» съ Гегелемъ? чтобы, даже наталкиваемый на этотъ сюжетъ разговоромъ, онъ имъ не заинтересовался и отдѣлывался отвѣтомъ: «мнѣ совершенно неизвѣстно значеніе Гегеля въ новѣйшей экономіи»? На мертвыхъ все валить можно, поучаетъ насъ г. Бельтовъ. Можно, это мы ясно видимъ, но если ужъ кто хочетъ заниматься этимъ непохвальнымъ дѣломъ, то надо его дѣлать осторожнѣе, чѣмъ г. Бельтовъ.

Въ 1879 г. въ журналѣ «Слово» была напечатана статья Зибера, озаглавленная «Діалектика въ ея примѣненіи къ наукѣ». Статья эта (не оконченная) представляетъ собою пересказъ, даже почти сплошной переводъ книги Энгельса «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft». Ну, а переведя эту книгу, остаться въ «совершенной неизвѣстности о значеніи Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи»,—довольно таки мудрено не только для Зибера, а даже и для Потока-богатыря въ вышепреведенной полемической характеристикѣ царевны. Это, я думаю, для самого г. Бельтова понятно. Но на всякій случай приведу все таки нѣсколько строкъ изъ маленекаго предисловія Зибера: «Книга Энгельса заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ въ виду послѣдовательности и цѣльности проводимыхъ въ ней философскихъ и общественно-экономическихъ понятій, такъ и потому, что для объясненія практическаго приложенія метода діалектическихъ противорѣчій она даетъ рядъ новыхъ иллюстрацій и фактическихъ примѣровъ, которые не мало способствуютъ ближайшему ознакомленію съ этимъ столь сильно прославляемымъ и въ то же время столь сильно унижаемымъ способомъ изслѣдованія истины. Можно сказать, повидимому, что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи».

Итакъ: Зиберу было извѣстно значеніе Гегеля въ развитіи новѣйшей экономіи; Зиберъ былъ очень заинтересованъ «методомъ діалектическихъ противорѣчій». Такова истина, документально засвидѣтельствованная и вполнѣ разрѣшающая пикантный вопросъ о томъ кто лжетъ за двухъ.

Австралійскіе дикари употребляютъ метательное оружіе, называемое бумерангомъ и устроенное такъ, что, въ случаѣ промаха, оно само возвращается къ бросившему. Бумерангъ г. Бельтова отличается отъ австралійскаго тѣмъ, что не просто возвращается къ бросившему, а поражаетъ его самого. Желая вышутить, г. Бельтовъ

самъ наряжается въ шутовской колпакъ; желая обличить во лжи, самъ въ ней обличается. А вдобавокъ, желая защитить покойнаго ученаго, онъ обвиняетъ его въ незнаніи того, что онъ зналъ, и въ отсутствіи интереса къ тому, чѣмъ онъ очень интересовался. Это ужъ совсѣмъ не хорошо.

Я привелъ характерные образчики полемики г. Бельтова и долженъ буду привести ихъ еще нѣсколько. Да не подумаетъ читатель, что я это дѣлаю съ злорадствомъ. Напротивъ, я достаточно обстрѣлянъ, чтобы съ презрительнымъ хладнокровіемъ относиться къ направленной противъ меня брани. Вмѣстѣ съ тѣмъ я такъ люблю русскую литературу, что, ничего не имѣя противъ кувырканій разныхъ злонамѣренныхъ бездарностей, скорблю, когда кувыркаются люди болѣе или менѣе талантливые; наконецъ, какъ видно будетъ ниже, я имѣю спеціальныя причины скорбѣть объ томъ, что г. Бельтовъ систематически подрываетъ довѣріе къ себѣ и къ своимъ показаніямъ. Я боюсь именно, что съ нимъ случится нѣчто въ родѣ исторіи того пастуха, который такъ часто шутилъ или лгалъ, крича: «волкъ»—что когда волкъ и взаправду явился, пастуху уже никто не повѣрилъ. Тѣмъ не менѣе я вынужденъ продолжать на эту же тему о полемическихъ или, пожалуй, критическихъ пріемахъ г. Бельтова.

Есть у меня работа о герояхъ и толпѣ, къ сожалѣнію моему, очень разбросанная, такъ какъ я возвращался къ ней неоднократно и съ большими перерывами. Въ воспоминаніяхъ мнѣ случалось говорить о причинахъ, какъ нѣкоторыхъ изъ этихъ перерывовъ, такъ и нѣкоторыхъ изъ возобновленій. Дѣло было такъ. Очень уже давно натолкнутый на означенную тему чисто теоретическимъ ходомъ мысли (слѣды чего имѣются въ самыхъ раннихъ моихъ статьяхъ), я вплотную принялся за ея разработку лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, подъ впечатлѣніемъ безобразій и ужасовъ еврейскихъ погромовъ. Самый этотъ поводъ исключалъ возможность постановки вопроса на исключительно «героическую» почву въ общепринятомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ чего то великаго и благодѣтельнаго. Я и оговорилъ, что мой «герой» есть просто вожакъ, увлекающій толпу можетъ быть и на великое, а можетъ быть и на гнусное и глупое дѣло. Это было самымъ точнымъ образомъ установлено въ статьѣ «Герои и толпа», гдѣ я пытался опредѣлить объективныя условія, необходимыя для возникновенія той группы явленій, которая суммируется въ словахъ «Герои и толпа». «Научныя письма» продолжали ту же тему. Въ «Патологической магіи» мнѣ пришлось говорить, между прочимъ, о разныхъ шарлатанахъ, злоупотребляющихъ склонностью «толпы» къ гипнозу. Наконецъ уже здѣсь, на страницахъ «Русскаго Богатства», мнѣ пришлось указывать на многостороннее различіе понятій «толпы» и «народа». Что же изъ всего этого сдѣлалъ г. Бельтовъ? Моими героями и толпой онъ занятъ на всемъ протяженіи своей книги, причемъ, однако, воздерживается и отъ

изложенія, и отъ критики теоріи, а только, такъ сказать, щиплетъ ее походя, съ помощью все того же шутовства и той же лжи. Онъ до такой степени не понялъ теоріи или перевралъ ее, что рѣшается написать, напримѣръ, слѣдующія строки:

«Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственныя головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой... Субъективная философія кажется намъ вредной потому, что она мѣшаетъ интеллигенціи содѣйствовать развитію самосознанія производителя, противопоставляя толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависитъ лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя. Было бы болото, черти будутъ, говоритъ народная пословица. Были бы герои, толпа для нихъ найдется, говорятъ субъективисты, и эти герои, это—мы, это субъективная интеллигенція. На это мы отвѣчаемъ: ваше противопоставленіе героевъ толпѣ есть простое самомнѣніе и потому самообманъ» (234—235).

Но, мой бѣдный г. Бельтовъ, вы вѣдь понимаете вещи совершенно, такъ сказать, наоборотъ. Какъ разъ наоборотъ: была бы толпа, а герои найдутся и поведутъ ее, напримѣръ, «бить жидовъ» или докторовъ. Можетъ быть, конечно, и на что нибудь совсѣмъ другое поведутъ, но это дѣло настолько ненадежное, что, конечно, благомыслящимъ людямъ надлежитъ «содѣйствовать развитію самосознанія» въ людяхъ вообще, въ «производителяхъ» въ частности. Вотъ только это слово «производители» не хорошо, — конюшней отдаетъ отъ него. Мы привыкли употреблять въ такихъ случаяхъ слово «народъ», въ смыслѣ трудящейся массы. Но если мы съ вами и сходимся на выводѣ о необходимости «содѣйствовать» и проч., то замѣтьте, что это выводъ вполнѣ субъективный, тогда какъ теорія героевъ и толпы содержитъ въ себѣ и чисто объективное изслѣдованіе законовъ коллективной психологіи. И напрасно вы думаете, что этими пустяками только «россійская соціологія» занимается: европейская литература ими въ настоящую минуту очень интересуется. Я понимаю, что вамъ «некогда», но удосужьтесь всетаки какъ нибудь заглянуть хоть въ три первыя странички статьи «Герои и толпа», это и двухъ минутъ времени не займетъ. Тамъ вы найдете такія строки: «Не въ похвалу или въ поруганіе выбраны нами термины «герой» и «толпа». Если пьянаго звѣря Василія Андреева (зачинщикъ убійства архіерея Амвросія въ 1771 г.) мы называемъ героемъ, на-ряду съ благороднымъ образомъ Бланки Кастильской, то, конечно, читатель не найдетъ у насъ такъ называемаго культа героевъ».

Ну вотъ, а г. Бельтовъ нашелъ... Написано: «пьяный звѣрь», а онъ читаетъ: «субъективная интеллигиеція». При такомъ способѣ чтенія можно, конечно, гдѣ угодно и что угодно найти, но все таки это будетъ только ложь, осложненная вдобавокъ шутовствомъ. Шутовскія комбинаціи словъ въ родѣ «субъективный герой», «субъективная интеллигенція»—кажутся г. Бельтову чрезвычайно прон-

зительными и онъ назойливо уснащаетъ ими свою рѣчь, хотя такимъ шутовствомъ можно бы было и правду скомпрометировать и ужъ, конечно, нельзя украсить ложь.

Г. Бельтовъ не разъ возвращается къ той темѣ, что «субъективная интеллигенція» и «субъективные герои» не желаютъ «содѣйствовать самосознанію производителей» и даже препятствуютъ этому благому дѣлу, Но такъ какъ это его фантазія (вѣроятно объективная), то никакихъ доказательствъ онъ, конечно, не приводитъ. Да и откуда же ихъ ему взять? Однако онъ до такой степени эту свою фантазію ненавидитъ (она бы этого и заслуживала, еслибы не была фантазіей), что донимаетъ ее и лирикой, и громами своего гнѣва, и мытьемъ и катаньемъ. Особенно хочется ему компрометировать «новое слово» «субъективной интеллигенціи» предполагаемымъ родствомъ ея съ Бруно Бауеромъ. Онъ то утверждаетъ, что я свое «новое слово» заимствовалъ у Бруно Бауера, то рекомендуетъ мнѣ еще только познакомиться съ Бруно Бауеромъ. На «новое слово», какъ хорошо извѣстно моимъ читателямъ, я никогда не претендовалъ и всегда другимъ рекомендовалъ отказаться отъ этихъ претензій и стараться говорить лишь вѣрное слово, а тамъ ужъ другіе разберутъ; поэтому ироническія ковычки г. Бельтова не имѣютъ по отношенію ко мнѣ никакого смысла. Что касается героевъ и толпы, то я старался собрать все, что только есть въ литературѣ сколько нибудь цѣннаго по этому предмету. Но Бруно Бауера дѣйствительно не принялъ во вниманіе и ни мало объ этомъ не жалѣю. Насколько можно судить по цитатамъ г. Бельтова и насколько ему можно вѣрить, Бруно Бауеръ и его послѣдователи противопоставляли «героевъ» въ Карлейлевомъ смыслѣ этого слова— великихъ людей, благодѣтелей человѣчества, полубоговъ—«массѣ» или «большинству» въ смыслѣ историческаго матеріала, чего нибудь стоющаго лишь при условіи полной покорности «героямъ» *Такія* противопоставленія дѣлались весьма часто въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, и не зачѣмъ обращаться къ разнымъ Оницамъ и Шелигамъ, развивавшимъ этотъ взглядъ въ нѣмецкой литературѣ 40-хъ годовъ, когда существуетъ такая блестящая разработка его въ «культѣ героевъ» Карлейля. Но какъ уже изъ вышеприведенныхъ словъ о «пьяномъ звѣрѣ Василіи Андреевѣ» видно, я совершенно устранилъ точку зрѣнія Карлейля изъ своей работы. Съ другой стороны я тщательно и неоднократно старался отгородить понятіе «толпы» отъ сопредѣльныхъ понятій. Еще не очень давно, въ «Русскомъ Богатствѣ» (1893, № 4) я писалъ: «Какъ много путаницы въ нашихъ разговорахъ о народничествѣ и о многомъ другомъ происходитъ отъ того, что подъ словомъ «народъ» мы сплошь и рядомъ безразлично разумѣемъ то этнографическую группу, то государственно-національную, то исключительно «мужика», то «чернь», «простонародье», то представителей труда («производителей» г. Бельтова), то *толпу*, которая такъ эффектно «безмолвствуетъ» въ по-

слѣдней строкѣ Пушкинскаго «Бориса Годунова» и съ такою слѣпою яростью рветъ и мечетъ въ холерныхъ, еврейскихъ и т. п. безпорядкахъ... Толпа—не народъ, а самостоятельное общественно-психологическое явленіе, подлежащее спеціальному изученію».

Зачѣмъ же, спрашивается, пристаетъ ко мнѣ г. Бельтовъ съ Бруно Бауеромъ, Шелигой, Опицемъ? Да вотъ именно затѣмъ, чтобы смѣшать все въ кучу, сдѣлать изъ «героевъ», «интеллигенціи», «толпы,» «производителей», «большинства» и проч.—окрошку, облить ее ядомъ эпитета «субъективный» и приправить пряностями лжи и шутовства. Но зачѣмъ ему самая эта окрошка нужна,—этого я уже рѣшительно не понимаю. Должно быть для собственнаго употребленія,—такая ужъ ему пища по вкусу.

Есть у меня, кромѣ «Героевъ и толпы», еще другая большая и опять таки, къ сожалѣнію моему, разбросанная работа. Это—теорія прогресса. Она тоже не удовлетворяетъ г. Бельтова. Да я и самъ считаю ее неудовлетворительной, отнюдь однако не съ той стороны, съ которой къ ней подходитъ мой грозный обличитель. На стр. 61 онъ сѣтуетъ на «злоупотребленіе біологическими аналогіями, которое и досихъ поръ даетъ себя сильно чувствовать въ западной соціологической, а особенно въ русской quasi-соціологической литературѣ». Слѣдуютъ доказательства и критика, оканчивающаяся ниспроверженіемъ предложенной мною формулы прогресса (66). При этомъ однако г. Бельтовъ, кромѣ самой этой формулы, не приводитъ *ни одного слова* ни изъ статьи «Что такое прогрессъ?», ни изъ послѣдующихъ на ту же тему. А обращается онъ къ моимъ воспоминаніямъ и къ полубеллетристическимъ набросками «Въ перемежку» и тамъ находитъ сообщеніе, что нѣкій Бухарцовъ (онъ же Ножинъ) «мечталъ о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея». Этотъ же Бухарцовъ-Ножинъ писалъ въ примѣчаніи къ одной своей литературной работѣ: «Обращаю вниманіе читателя на то, что вся моя анатомическая и эмбріологическая теорія имѣетъ главною своею цѣлью отысканіе законовъ физіологіи общества». А такъ какъ я съ лучшими чувствами вспоминаю даровитаго, хотя и увлекающагося юношу Бухарцова-Ножина и говорю, что много обязанъ ему въ своемъ умственномъ развитіи, то ясно, что я принадлежу къ представителямъ той «русской quasi-соціологической литературы», которая «особенно злоупотребляетъ біологическими аналогіями».

Апеллирую къ читателю, даже вполнѣ ко мнѣ неблагосклонному, но сколько нибудь знакомому съ моими сочиненіями, хотя бы не со всѣми, а только, напримѣръ, съ одной статьей «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» или «Что такое прогрессъ?» Неправда, что русская литература *особенно* злоупотребляетъ біологическими аналогіями: въ Европѣ, съ легкой руки Спенсера, этого добра несравненно больше, не говоря уже о временахъ комическихъ аналогій Блюнчли съ братіей. И если у насъ дѣло не пошло дальше анало-

гическихъ упражненій покойнаго Стронина («Исторія и методъ», «Политика, какъ наука»), г. Лиліенфельда («Соціальная наука будущаго»), да нѣсколькихъ журнальныхъ статей, то навѣрно и «моего тутъ капля меду есть». Ибо никто не потратилъ столько усилій на борьбу и біологическими аналогіями, какъ я. И въ свое время я не мало претерпѣлъ за это отъ «Спенсеровыхъ дѣтей». Буду надѣяться, что и нынѣшняя гроза въ свое время минуетъ...

Читатель, не вы — «читатель другъ», а вы — неблагосклонный читатель, съ перваго раза можетъ быть обрадованный книгой г. Бельтова, какъ вы только что радовались книгѣ г. Струве,—будьте «объективны» и пересмотрите еще разъ съ чисто фактической, только съ фактической стороны приведенные эпизоды съ Зиберомъ, героями и толпой, біологическими аналогіями. Должны же вы будете согласиться, что г. Бельтовъ дѣйствительно понимаетъ вещи какъ разъ «наоборотъ». Но хотя у него и «русская душа», не вѣрьте ему все-таки, что «русскій духъ» такъ таки ужъ всегда и непремѣнно «лжетъ за двухъ»...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ полемическими и критическими пріемами г. Бельтова. Разоблаченіе этихъ пріемовъ не доставляетъ никакого удовольствія, но намъ поневолѣ придется и еще встрѣтиться съ ними, а теперь обратимся къ собственнымъ взглядамъ г. Бельтова, къ положительной части его труда.

Г. Бельтовъ желаетъ изложить «монистическій взглядъ на исторію», а монизмъ, говоритъ онъ, возможенъ двоякій: идеализмъ и матеріализмъ. Оба эта ученія, въ качествѣ монистическихъ, противополагаются дуализму, признающему «духъ» и «матерію» отдѣльными, самостоятельными субстанціями. Идеализмъ же и матеріалимъ признаютъ лишь одну субстанцію, первый—духъ, второй—матерію. «Наиболѣе послѣдовательные и глубокіе мыслители всегда склонялись къ монизму... Въ первой половинѣ нашего столѣтія господствовалъ *идеалистическій* монизмъ; во второй половинѣ его—въ *наукѣ*, которая тѣмъ временемъ совершенно слилась съ *философіей*, восторжествовалъ *матеріалистическій* монизмъ, далеко впрочемъ не всегда послѣдовательный и откровенный (2). Г. Бельтовъ предпринялъ показать, что окончательное торжество матеріалистическаго монизма установлено такъ называемой теоріей экономическаго матеріализма въ исторіи, каковая теорія находится, дескать, въ тѣснѣйшей связи съ «обще-философскимъ» матеріализмомъ. Съ этою цѣлью г. Бельтовъ дѣлаетъ экскурсію въ исторію философіи. О степени безпорядочности и неполноты этой экскурсіи можно судить уже по названіямъ главъ, ей посвященныхъ: «Французскій матеріализмъ XVIII вѣка», «Французскіе историки временъ реставраціи», «Утописты», «Идеалистическая нѣмецкая философія», «Современный матеріализмъ». Но экс-

курсія еще слабѣе, чѣмъ можно бы было думать, судя по этимъ заглавіямъ.

Одинъ изъ центральныхъ пунктовъ ея гласитъ: «Гегель называлъ *метафизической* точку зрѣнія тѣхъ мыслителей,—безразлично, идеалистовъ или матеріалистовъ, — которые, не умѣя понять процессъ развитія явленій, поневолѣ представляютъ ихъ себѣ и другимъ, какъ застывшія, безсвязныя, неспособныя перейти одно въ другое. Этой точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ *діалектику*, которая изучаетъ явленія именно въ ихъ развитіи и, слѣдовательно, въ ихъ взаимной связи» (71).

Г. Бельтовъ считаетъ себя знатокомъ философіи Гегеля *). Я радъ поучиться у него, какъ у всякаго свѣдущаго человѣка, и на первый разъ попросилъ бы указать то мѣсто въ сочиненіяхъ Гегеля, откуда онъ взялъ это будто бы Гегелево опредѣленіе «метафизической точки зрѣнія». Осмѣливаюсь утверждать, что онъ мнѣ его указать не можетъ. Для Гегеля метафизика была ученіемъ о безусловной сущности вещей, лежащей за предѣлами опыта и наблюденія, о сокровенномъ субстратѣ явленій. Правда, онъ слилъ ее съ діалектикой, обработалъ ее діалектическимъ методомъ, то есть путемъ послѣдовательнаго вскрытія заключающихся въ жизни и мысли, въ бытіи и мышленіи противорѣчій. Это сліяніе метафизики съ діалектикой составляетъ существенную особенность философіи Гегеля, но метафизика и при этомъ остается метафизикой, и Гегель отнюдь не питалъ къ ней того презрѣнія, которое сквозитъ въ приведенномъ г. Бельтовымъ будто бы Гегелевомъ опредѣленіи. Онъ не противополагалъ діалектику метафизикѣ, а напротивъ сливалъ ихъ въ одно цѣлое. Свое якобы Гегелово опредѣленіе г. Бельтовъ взялъ не у Гегеля, а у Энгельса (все въ той же полемической противъ Дюринга книгѣ), который совершенно произвольно отдѣлилъ метафизику отъ діалектики признакомъ неподвижности или текучести. Всякая философская система, утверждающая, вмѣстѣ съ г. Бельтовымъ, что «права разума необъятны и неограничены, какъ и его силы» (233), что по этому она открыла безусловную сущность вещей,—будь это матерія или духъ—есть система метафизическая. Додумалась ли она при этомъ до идеи развитія предполагаемой ею сущности вещей или нѣтъ, и если додумалась, то діалектическій ли путь она усвоиваетъ этому развитію или

*) Я, конечно, подобной претензіи не имѣю. Но не могу всетаки воздержаться отъ слѣдующаго замѣчанія. Г. Бельтовъ почему то увѣренъ, что я знакомъ съ Гегелемъ по учебнику уголовнаго права Спасовича и «по Льюису». Приведя мои слова объ «уничтожающемъ презрѣніи и холодной жестокости», съ которыми система Гегеля относится къ личности, онъ замѣчаетъ, что «это вѣрно развѣ только по Льюису» (283) Г. Бельтовъ, повидимому, очень презираетъ этого бѣднаго Льюиса, но еслибы онъ освѣжилъ въ своей памяти его «Исторію философіи», то убѣдился бы, что тамъ объ отношеніи философской системы Гегеля къ личности *нѣтъ ни одного слова*. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый, такъ какъ книга Льюиса имѣется въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ.

какой иной,—это, конечно, очень важно для опредѣленія ея мѣста въ исторіи философіи, но не измѣняетъ ея метафизическаго характера. Метафизическая печать лежитъ и на выросшей изъ гегельянства доктринѣ такъ называемаго экономическаго матеріализма, и діалектика отнюдь не стираетъ этой печати. Г. Бельтовъ думаетъ, что утверждать это могутъ лишь «россійскіе соціологи», «субъективисты» и проч. Мнѣ пріятно сослаться на нѣмецкаго писателя, котораго г. Струве въ своей книжкѣ горячо рекомендовалъ. «Труды Зиммеля—писалъ онъ—показываютъ, какъ плодотворно внесеніе въ соціологію *философскаго критицизма и научнаго психологическаго анализа*». (Курсивъ г. Струве. «Критическія замѣтки» и проч., стр. 35). Я не имѣю теперь времени извлечь изъ трудовъ Зиммеля все, заключающееся въ нихъ плодотворное, но нѣсколько строкъ изъ одной его работы приведу:

«Даже то историческое воззрѣніе, которое энергичнѣе всего должно было отбиваться отъ обвиненія въ метафизическихъ предположеніяхъ,—матеріалистическое,—достигаетъ этого лишь посредствомъ самообмана. Истолкованіе историческаго движенія противорѣчіемъ экономическихъ интересовъ есть гипотеза, спускающаяся далеко глубже доступныхъ наблюденію явленій... Предположеніе, что всѣ исторически дѣйствующіе интересы суть только преобразованія или замаскированія матеріальныхъ—никогда не можетъ быть доказано... Но если бы и можно было доказать, что экономическіе интересы суть тайныя или явныя пружины всѣхъ историческихъ дѣйствій, то было бы всетаки чисто метафизическимъ произволомъ останавливаться на этомъ пунктѣ и объявлять его послѣдне достижимымъ и самопонятнымъ... Это догматизмъ, подобный теоретическому матеріализму. Ибо и послѣдній есть метафизика, такъ какъ эмпирически отличныя отъ матеріи явленія онъ чисто гипотетически сводитъ къ ней и затѣмъ объявляетъ матерію послѣднимъ самопонятнымъ принципомъ, тогда какъ она ничуть не менѣе загадочна, чѣмъ другіе абсолюты, которые пробовали класть въ основаніе игры явленій» (Die Probleme der Geschichtsphilosophie, 85—86).

Именно къ этому мѣсту относится замѣчаніе г. Струве, что Зиммель, при всей плодотворности его трудовъ, «иначе, чѣмъ мы (т. е. чѣмъ г. Струве), понимаетъ метафизичность». Я цитирую Зиммеля собственно въ виду горячей рекомендаціи г. Струве, ради которой можетъ быть и г. Бельтовъ воздержится отъ громовъ по адресу Зиммеля. Но я могъ бы привести многихъ первоклассныхъ ученыхъ, тоже «понимающихъ метафизичность иначе, чѣмъ мы», тоже признающихъ матеріализмъ такою же метафизикою, какъ и идеализмъ, независимо отъ того, осложненъ ли онъ идеей развитія или нѣтъ. Я боюсь, что г. Бельтовъ стоитъ на уже давно пройденной ступени. Боюсь, что онъ ошибается, говоря: «во второй половинѣ нашего вѣка *въ наукѣ*, которая тѣмъ временемъ совершенно

слилась съ *философіей*, восторжествовалъ *матеріалистическій* монизмъ».

Мнѣ какъ то случилось употребить выраженіе: «объ этомъ можно спорить». Эти, казалось бы, столь обыкновенныя слова приводятъ г. Бельтова въ чрезвычайное негодованіе; онъ добрый десятокъ разъ повторяетъ ихъ съ непонятною для меня ядовитостью, Ну, я не буду спорить. Я приведу только мнѣніе такого умнаго, тонкаго, свѣдущаго и добросовѣстнаго критика, какъ Ф. А. Ланге. Собственно вся его книга направлена къ тому, чтобы, признавъ относительныя достоинства матеріализма, какъ философіи, и его услуги наукѣ, показать, что нынѣ наука уже переросла и отвергла его. Но для образчика приведу одну, достаточно выразительную фразу: So sehen wir wie allerdings die gründliche Naturforschung durch ihre eignen Consequenzen über den Materialismus hinausführt. (Geschichte des Materialismus 2 Aufl, II, 167).

Разумѣя монизмъ исключительно въ метафизической формѣ идеализма и матеріализма и ошибочно отождествляя послѣдній съ наукою, г. Бельтовъ, однако, и къ идеализму очень благосклоненъ, главнымъ образомъ, конечно, къ Гегелю. Это понятно, такъ какъ доктрина экономическаго матеріализма изъ Гегеля проистекаетъ. Но изъ этого не слѣдуетъ всетаки, чтобы г. Бельтовъ имѣлъ право написать слѣдующія строки: «До сихъ поръ еще трудно сказать, насколько взгляды нѣмецкихъ идеалистовъ непосредственно повліяли въ указанномъ (эволюціонномъ) направленіи на нѣмецкое естествознаніе, хотя несомнѣнно, что въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка даже натуралисты въ Германіи занимались втеченіе университетскаго курса философіей» (88). Что вліяніе нѣмецкой идеалистической философіи на всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія было громадно, — это вѣрно, но было ли оно такъ ужъ вполнѣ благотворно,—объ этомъ, не въ обиду г. Бельтову будь сказано,— можно спорить. Впрочемъ, напримѣръ, Гельмгольцъ, человѣкъ, достаточно, кажется, компетентный, считаетъ это дѣло даже внѣ спора. Онъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Шеллингъ сталъ господствовать надъ наукой на югѣ Германіи, а Гегель на сѣверѣ, началась распря между философіей и естествознаніемъ. Недовольная положеніемъ, указаннымъ ей Кантомъ, философія полагала открыть новые пути, съ цѣлью найти, заранѣе и безъ помощи опыта, путемъ чистаго мышленія, тѣ результаты, къ которымъ, въ концѣ концовъ, должны были бы придти опытныя науки. Философія ни мало не отчаявалась въ возможности включить въ свою область всѣ величайшіе вопросы о небѣ и землѣ, о настоящемъ и будущемъ. Противорѣчіе между этими философскими школами и естествознаніемъ особенно рѣзко выразилось въ крайне не философской страстной полемикѣ Гегеля и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ противъ Ньютона». (Приведено въ «Научномъ Обозрѣніи» 1895, № 1).

Въ виду всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что экскур-

сія г. Бельтова въ область исторіи философіи не дорого стоитъ. Входить во всѣ подробности ея я, разумѣется, не стану. Но кое что всетаки отмѣчу.

Г. Бельтовъ говоритъ и о французскихъ историкахъ, и о французскихъ «утопистахъ», оцѣнивая тѣхъ и другихъ въ мѣру ихъ пониманія или непониманія экономики, какъ фундамента общественнаго зданія. Страннымъ однако образомъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ при этомъ о Луи Бланѣ, хотя одного предисловія къ Histoire de dix ans достаточно, чтобы предоставить ему почетное мѣсто въ ряду первоучителей такъ называемаго экономическаго матеріализма. Конечно, тутъ много такого, съ чѣмъ г. Бельтовъ согласиться не можетъ, но тутъ есть и борьба классовъ, и характеристика ихъ экономическими признаками, и экономика, какъ скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло въ составъ доктрины, такъ горячо защищаемой г. Бельтовымъ. Я потому отмѣчаю этотъ пробѣлъ, что онъ, во-первыхъ, и самъ по себѣ удивителенъ и намекаетъ на какія то побочныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ безпристрастіемъ. А во-вторыхъ, идеи Луи Блана имѣли у насъ, въ Россіи, вліяніе еще въ сороковыхъ годахъ. («Это цѣлое откровеніе», писалъ Бѣлинскій объ «Histoire de dix ans»). Слѣды этого, равно какъ и другихъ подобныхъ вліяній можно найти и въ позднѣйшей нашей литературѣ, когда объ экономической основѣ общественныхъ явленій писалось очень много и очень опредѣленно. Почему же люди, исходя изъ этого общаго, столь опредѣленнаго положенія, приходятъ къ очень различнымъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ выводамъ? Любопытный вопросъ, для отвѣта на который г. Бельтовъ не даетъ, однако, никакихъ матеріаловъ, да и не задается имъ.

Г. Бельтовъ вообще говоритъ обо многомъ ненужномъ и умалчиваетъ обо многомъ нужномъ. Вотъ, напр., онъ приводитъ слова Георга Бюхнера, свидѣтельствующія о томъ тяжеломъ настроеніи, въ которое впалъ этотъ несчастный юноша, изучая исторію великой французской революціи. При этомъ онъ дѣлаетъ «*Примѣчаніе для г. Михайловскаго* (курсивъ г. Бельтова): это не тотъ Бюхнеръ, который проповѣдывалъ матеріализмъ въ «общефилософскомъ смыслѣ». Это его рано умершій братъ, авторъ знаменитой трагедіи «Смерть Дантона» (162). Надо замѣтить, что приводимыя г. Бельтовымъ слова Бюхнера, хотя и очень трогательны, но заключаютъ въ себѣ мысль, весьма часто и весьма многими выражавшуюся. И если г. Бельтовъ остановился именно на мало извѣстномъ у насъ Бюхнерѣ, то, мнѣ кажется, главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать «примѣчаніе для г. Михайловскаго». Я, конечно, очень польщенъ попечительною заботливостью г. Бельтова, изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ избравшаго единственно меня для сообщенія тайны о разницѣ между Георгомъ Бюхнеромъ и Людвигомъ Бюхнеромъ. Но, откровенно то говоря, это вѣдь всетаки только совершенно ненужное шутовство.

А между тѣмъ, если ужъ г. Бельтову подвернулся подъ перо Георгъ Бюхнеръ, то остановиться на этой мало извѣстной у насъ фигурѣ стоило бы. И біографія этого юноши, и его скудное по количеству, но достойное вниманія литературное наслѣдство—были бы для насъ очень поучительны въ связи съ тѣмъ кругомъ идей, который занимаетъ г. Бельтова. Впрочемъ, это тема, достойная пера болѣе добросовѣстнаго.

Я избавляю себя отъ разбора всего содержанія книги г. Бельтова. Мѣста у меня остается мало, кое-что мы уже видѣли, къ коечему можно и въ другой разъ вернуться, кое-что относится спеціально къ «комп.», которая сама за себя отвѣчаетъ. Наконецъ, мнѣ хочется и доброе слово сказать о книгѣ. Къ сожалѣнію, и для этого надо сдѣлать небольшое недоброе предисловіе.

Нѣкоторыя мои чисто фактическія указанія на разницу между судьбою экономическихъ и историческихъ воззрѣній Маркса г. Бельтовъ передаетъ въ такомъ видѣ: «Что вы лѣзете ко мнѣ съ Дарвиномъ! кричитъ онъ. — Дарвиномъ увлекались хорошіе господа, его многіе профессора одобряли, а за Марксомъ кто идетъ? Одни рабочіе, да никѣмъ не патентованные приватъ-звонари науки» (217). Ни шутовство, ни лживость этой передачи моихъ словъ ни удивляютъ уже, конечно, читателя послѣ всего вышеприведеннаго. Надоѣдаетъ это только немножко. Но дальше идетъ нѣчто интересное. Я говорилъ, между прочимъ: «теоретическая часть «Капитала» очень быстро заняла уже безспорно высокое мѣсто въ общепризнанной наукѣ». Иными словами, кому такія шутовскія слова нравятся: «увлекаются хорошіе господа, многіе профессора одобряютъ», все равно, какъ Дарвина. Но г. Бельтовъ съ этимъ не согласенъ. Онъ утверждаетъ, что среди нѣмецкихъ профессоровъ нѣтъ настоящаго почтенія къ автору «Капитала», «да и не можетъ быть его въ профессорѣ, потому что не сдѣлаютъ въ Германіи профессоромъ человѣка, проникнутаго имъ» (219).

Я такъ напуганъ г. Бельтовымъ, что не смѣю съ нимъ спорить. Можетъ быть оно такъ и есть въ Германіи. У насъ въ Россіи, кажется, не совсѣмъ такъ. Есть, напр., у насъ профессоръ Янжулъ, извѣстный своею солидностью, бывшій одно время фабричнымъ инспекторомъ, командированный въ 1893 г. министерствомъ финансовъ въ Америку, словомъ — человѣкъ на виду. Подъ редакціей этого самаго профессора Янжула въ 1892 г. вышла «Книга о книгахъ», представляющая собою указатель чтенія по разнымъ отраслямъ. Въ отдѣлѣ политической экономіи тамъ рекомендуются и «Капиталъ», и Zur Kritik der politischen Oekonomie, и Misère de la Philosophie, и сочиненія популяризаторовъ и комментаторовъ Маркса: Кауцкаго, Гросса, Эвелинга, Зибера. Въ сочиненіи «Промысловые синдикаты», изданномъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, тотъ же профессоръ Янжулъ называетъ книжку г. Струве «талантливымъ и остроумнымъ очеркомъ, съ главнѣйшими выводами котораго нельзя

вполнѣ не согласиться» (стр. 402). (Мимоходомъ сказать, весьма одобрена книжка г. Струве въ 12-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за истекшій годъ, въ статьѣ г. Орловскаго). Ну, а въ какой мѣрѣ г. Струве проникнутъ Марксомъ, объ этомъ говорить нечего. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ профессору Янжулу быть профессоромъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Отнюдь, я думаю, не то, что свобода университетскаго преподаванія такъ стѣснена въ Германіи, какъ утверждаетъ г. Бельтовъ, а лишь то, что изъ Маркса разные люди могутъ и разное извлекать. Это въ особенности относится къ его исторической теоріи, которой самъ онъ не разработалъ и съ которою у насъ часто знакомятся даже не изъ вторыхъ рукъ. Этимъ именно и объясняется, что «мы, марксисты» оказываются сплошь и рядомъ «не настоящими». Приведенныя мною въ прошломъ году письма свидѣтельствуютъ, что эти «не настоящіе» разныхъ степеней дѣйствительно существуютъ. Вотъ для нихъ то мнѣ и хочется извлечь нѣчто поучительное изъ книги г. Бельтова.

Прежде всего оказывается, что и г. Струве не настоящій, и не только потому, что неосторожно проговорился насчетъ «выучки» и насчетъ необоснованности и непровѣренности историческаго матеріализма. Вы помните назойливость, съ которою г. Струве твердилъ, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину» и что «соціологія можетъ игнорировать личность». Во избѣжаніе недоразумѣній, онъ это «повторялъ», онъ «настаивалъ» на этомъ. Г. Бельтовъ, возражая, правда, не г. Струве, иронически спрашиваетъ: «Что такое общественныя отношенія производства? Это отношенія людей. Какъ же будутъ они развиваться безъ людей? Вѣдь тамъ, гдѣ не было бы людей, не было бы и отношеній производства» (222). И далѣе, уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: «Матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю; они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической» (234).

Неосторожность г. Струве: «пойдемъ на выучку къ капитализму»—г. Бельтовъ исправляетъ такъ: «существуетъ капиталистическая проза (въ противоположность поэзіи идеаловъ), а мы спрашиваемъ себя: какъ бороться съ этой прозой, какъ поставить народъ въ положеніе, хоть немного приближающееся къ идеальному?» (262). Съ этой точки зрѣнія, какъ поясняетъ г. Бельтовъ, вовсе не желательны ни «выкуриваніе лишняго мужика изъ деревни на фабрики», ни капитализація промысловъ, ни обезземеленіе крестьянъ. Г. Бельтовъ даже допускаетъ, что «должно стараться мѣшать ихъ обезземеленію» (правда, въ уклончивой формѣ: «*положимъ*, должно стараться» 161). Все это,—и капитализація, и обезземеленіе и проч.—неизбѣжно будетъ развиваться, въ этомъ г. Бельтовъ убѣжденъ, но «настоящимъ» вовсе не полагается принимать въ этомъ процессѣ

активное участіе какою бы то ни было помощью ему, какъ и не полагается быть его безучастными созерцателями. Задача ихъ вотъ какая: «Развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности. Licht, mehr Licht! вотъ что нужно прежде всего» (234). «Развивайте человѣческое сознаніе, сказали мы. Развивайте самосознаніе производителей, прибавляемъ мы теперь» (тамъ же). «Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и попытки созданія производительныхъ ассоціацій едва-ли облегчили положеніе хотя бы сотни нѣмецкихъ производителей. Но они содѣйствовали пробужденію самосознанія этихъ производителей и тѣмъ принесли имъ большую пользу. Такую же пользу, и уже прямымъ, а не обходнымъ путемъ, принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. п... Хлопоты г. Кривенко неуклюжи, неловки, безплодны, но если онѣ, несмотря на всѣ эти отрицательныя качества, разбудятъ самосознаніе хоть одного производителя, онѣ окажутся полезными, и тогда выйдетъ, что г. Кривенко жилъ на свѣтѣ не затѣмъ только, чтобы дѣлать логическія ошибки» (278).

Послѣднее, мнѣ кажется, уже слишкомъ любезно. Но ничего, разумѣется, не имѣю противъ этой любезности, и тѣмъ паче противъ просвѣтленія производителей. Думается мнѣ только, что для программы, столь простой и ясной, не зачѣмъ было «подниматься за облака» Гегелевой философіи и «опускаться на дно» окрошки изъ субъективнаго и объективнаго... Страшная мысль: вдругъ да и г. Бельтовъ окажется не настоящимъ!

Однако, и въ этомъ случаѣ, для другихъ не настоящихъ окажется полезнымъ, напримѣръ, напоминаніе объ «антифизикѣ» Даламбера. Этотъ мыслитель «говаривалъ, что онъ, на основаніи самыхъ безспорныхъ физическихъ законовъ, докажетъ неизбѣжность явленій, совершенно невозможныхъ въ дѣйствительности. Надо только, слѣдя за дѣйствіями каждаго даннаго закона, забыть на время, что существуютъ другіе законы, видоизмѣняющіе его дѣйствіе» (274). Или еще такія слова: «Трудное это дѣло—объяснить весь историческій процессъ, послѣдовательно держась одного принципа. Но что прикажете? Наука вообще дѣло не легкое... Можетъ быть въ вопросахъ, касающихся идеологій, самые лучшіе знатоки «экономической струны» окажутся подчасъ безсильными, если не будутъ обладать нѣкоторымъ особымъ дарованіемъ, именно художественнымъ чутьемъ... Много, очень много еще темнаго для насъ въ этой области!» (223). Г. Бельтовъ надѣется, конечно, разсѣять эту темноту, но для многихъ не настоящихъ поучительно уже то, что темнота пока еще существуетъ, что разсѣять ее—дѣло не лег-

кое, для выполненія котораго нужно поработать въ разныхъ сферахъ духовной жизни: и художественное чутье не помѣшаетъ, и антифизику Даламбера помнить слѣдуетъ, и даже вырвать у исторіи тайну разницы между двумя Бюхнерами полезно.

Къ сожалѣнію, все это утоплено въ окрошкѣ и компрометировано тѣмъ «русскимъ духомъ», который однако, повторяю, не непремѣнно «лжетъ за двухъ».

Ник. Михайловскій.